

тивности деяний. Все качества, свойственные положительным образам фольклора, достигают в образе Ленина наибольшей интенсивности выражения.

Ленин бессмертен, так как черпает силы в трудящемся народе всего мира (легенда «Про Ленина») ¹⁹.

Ленин помогает борцам за свободу трудового народа стать неуязвимыми и успешно бороться (легенда «Чапай») ²⁰.

В лице Ленина народ видит достойнейшего из людей, перед которым сама природа раскрывает свои богатства.

В фольклор пришел герой нового типа — передовой мыслитель и деятель — человек миропонимания и революционного действия. Выйдя из народа, он черпает в единстве с ним свои силы, он создатель самого справедливого социального строя — в этом истоки героизма фольклорного образа Ленина. Фольклор о Ленине имеет тенденцию дальнейшего развития, так как связан с великими событиями истории и необходим советскому народу в его созидательной деятельности.

**В. В. БЛАЖЕС, Е. ЕЛИЗАРЯН,
Т. БОРИСОВА**

Свердловск

ТРАДИЦИОННЫЙ РАБОЧИЙ ФОЛЬКЛОР В СОВРЕМЕННОМ ГОРОДЕ

В течение нескольких десятилетий уральские фольклористы ведут собирание рабочего фольклора. В последние годы эта работа активизировалась: ведется планомерное фольклорное обследование рабочих городов и поселков Среднего и Южного Урала, и, очевидно, можно считать, что сейчас реализуется давний призыв П. П. Бажова «выйти на главную улицу устного творчества»: сделать «решительный поворот» к производственникам, записывать их произведения¹. Рабочая тема — первоочередная в экспедиционных планах и полевых поисках фольклористов Уральского государственного университета им. А. М. Горького, поскольку мы осознаем всю важность фиксации рабочего фольклора и необходимость систематического введения в научный оборот новых записей.

В настоящей публикации мы главное внимание уделяем традиционному рабочему фольклору, бытующему в современной городской среде, но попутно касаемся и нескольких произведений, которые, строго говоря, нельзя отнести только к рабочему фольклору. Публикуются материалы, собранные экспедиционными группами в июле 1978 года в г. Алапаевске Свердловской области и в г. Касли

¹⁹ Блинова Е. М. Тайные сказы рабочих Урала. М., 1941, с. 164.

²⁰ Там же, с. 85 — 86.

Челябинской области. Публикация носит характер заметок и полевых наблюдений.

Алапаевск и Касли известны как старинные уральские города с весьма существенным промышленным потенциалом. Здесь уже неоднократно работали фольклористы, ряд записей опубликован в различных уральских сборниках. Поэтому мы представляли в общих чертах характер местного народного творчества и в беседах с жителями пытались в первую очередь выяснить, какие им известны произведения традиционного рабочего фольклора.

В Алапаевске была записана песня «Вы заводы, заводы Демидовые», причем сначала мы встретили нескольких стариков, вспоминавших лишь начальные слова. Например, И. Я. Быков, 1900 г. рожд., напел первые строчки уверенно, однако дальше не помнил. Он уверял, что раньше эту песню пели многие. То же говорили И. М. Полуянова, 1904 г. рожд., Н. Я. Конева, 1906 г. рожд.; наконец, нам встретилась А. Д. Подкорытова, 1891 г. рожд., которая исполнила песню полностью. Правда, она сразу сказала, что за эту песню ее когда-то похвалил Л. Л. Христиансен. Подробности встречи с бывшим художественным руководителем Уральского народного хора она забыла, но помнила, что Л. Л. Христиансену песня очень нравилась. Как позже выяснилось, песня была записана композитором в 1955 году и опубликована². При нашей встрече А. Д. Подкорытова песню исполнила дважды, очень уверенно. Сказала также, что в 60-е годы у них при старом рабочем клубе существовал народный хор, и эту песню хор пел. Сама А. Д. Подкорытова — местная уроженка, в молодости работала на заводе. Наша запись от записи Л. Л. Христиансена отличается незначительно. Мы не заметили, чтобы исполнительница пела: демидовыё, государевыё, принараживает, но: демидовые, государевые, принаряживает. Фонетические нормы речи А. Д. Подкорытовой современные.

Вы заводы, заводы Демидовые
Не Демидовы заводы — государевые.
Не Демидовы заводы — государевые.
Отчего завод сливет? Купченина там живет.
Отчего завод сливет? Купченина там живет.
Купченина по плотине похаживает,
Купченина по плотине похаживает,
Крестьянам работу приснаряживает.
Крестьянам работу приснаряживает.
Вы, крестьяне, крестьяне, поробьте за меня,
Вы, крестьяне, крестьяне, поробьте за меня,
За меня, за меня, за меня, за барина.

¹ Бажов П. П. Публицистика. Письма. Дневники. Свердловск, 1955, с. 105 — 107.

² Христиансен Л. Л. Уральские народные песни. Под общ. ред. С. В. Аксюка. М., 1961. с. 44.

У меня, у меня, у меня, у барина
 Работа тяжелая, да все гульба хорошая,
 Работа тяжелая, да все гульба хорошая,
 При-то при вечере, при вечерней заре,
 При-то при вечере, при вечерней заре,
 Холодненько во дворе, холодненько во дворе,
 Холодненько во дворе, холодненько во дворе,
 Холодно, студено в карауле стоячи,
 Холодно, студено в карауле стоячи,
 В карауле стоячи да много горя примучи³.

От А. Д. Подкорытовой записан также выразительный и полный вариант уральской рабочей песни конца XIX века про железную дорогу. Существует считанное число опубликованных вариантов, поэтому приведем нашу запись полностью.

Скажите ради бога,	А вторая паровая —
Где железная дорога?	Провожает мать родная,
Она строилась три года,	Еще третья пассажирска —
Усыпалася песком.	Провожает его милка,
Усыпалася песком,	Что четверта с колесами —
Заливалась чугуном.	Провожает со слезами,
Чугуну-то — в три аршина,	Еще пята кругом, кругом —
По нем бегают машина.	Расстаюсь я с милым другом,
Еще первая машина —	Еще шестая паром пышет —
Провожает отец сына,	Мне миленок письмо пишет.

И еще одну редкую песню вспомнила А. Д. Подкорытова. Это сатирическая песня о спаивании рабочих в кабаках. По словам исполнительницы, песню она усвоила еще до Октябрьской революции, когда перебралась в Алапаевск из окрестного села Толмачево, где родилась и выросла.

Здравствуй, здравствуй, Никанорка Третьяков!
 Нынче много ли сгорело кабаков?
 Остался один кабачок,
 Целовальничек — веселый мужичок,
 Целовальника фартовая была,
 Опохмелила без денежки меня:
 Наливает на дорожку полуштоф,
 Оставляет без рубашки, без штанов.
 Тут накинудся я худеньким мешком
 И отправился по городу пешком.
 Я иду, иду по улице,
 И все люди дивуются:
 Еще что это за щеголь за такой,
 Не имеет он одежды никакой?

---

³ В публикации приводятся записи, сделанные В. Блажесом и Е. Елизарян. Все другие случаи оговариваются.

И. Я. Быков, М. С. Афоню, В. К. Детков и многие другие рабочие, начинавшие свой трудовой путь в дореволюционное время, помнят начало известной песни «Камаринская», но поют «по-местному»: «У Собакина, у Саввушки завод, обирают там безжалостно народ...» При этом объясняют: «Песню пели раньше. Она про нашего хозяина. Хозяин-то у нас был Савва Яковлевич Собакин. Когда женился на графине Яковлевой, подал прошение царю, чтоб взять фамилию жены: своя-то собачья. Царь разрешил, а рабочие все равно звали хозяина Собакиным и песню пели» (из рассказа И. Я. Быкова). Г. П. Чиков, 1902 г. рожд., вспоминает: «Песня это политическая. Я ее слышал, когда еще рассыльным бегал. Мальчишкой 11 лет поступил на лето рассыльным в прокатный цех. Раньше как? Лето бегаешь рассыльным, зимой учишься. Я слышал, как рабочие-политиканы пели, сам выучил. В этой песне просмеивался Собакин. Рабочие хоть кого просмеют, не испугаются. Вот раньше в церкви служение идет, поет там дьякон, а рабочие составили такое же, да по-другому: мол, люди-братья, люблю с вас драть я. За это двоих в полицию таскали. Точно». Другой старый рабочий, Н. И. Конов, 1913 г. рожд., говорил: «В этой песне рабочие выражали недовольство эксплуатацией. Там слова: гнули спинушку детинушке. Пели про тяжелую рабочую жизнь, ну и порядком канифолили управителя. Эту песню любил петь отец-покойник выпимши, вроде как она ему по душе». Полностью исполнил песню лишь Модест Александрович Медовщиков, 1889 г. рожд., причем он сам называет ее «Камаринской», и в начальных стихах его варианта не упоминается Собакин.

Эх, и прост же ты, рабочий человек,
На богатых гнешь ты спину целый век.
А хозяин знай подстегиват кнутом,
Чтоб резвей мужик выкидывал козлом.

Припев: Ай, ду-ду-ду-ду...⁴

Как у Морозова, у Саввушки завод,
Обирается безжалостно народ,
Все рабочие в убогости,
А над ним большие строгости.

Припев.

Чтоб не вышло препирательства
За иные надувательства,
Канцелярия составила
Для рабочих пункты, правила,
Положила кары грозные,
Наказания серьезные.

---

⁴ М. А. Медовщиков сказал, что «после каждого куплета пелся припев», но, по-видимому, был не припев, а бессловесный проигрыш, по крайней мере, именно он воспроизводился голосом при исполнении.

Припев.

Собирали как-то деньги на собор,
На заводе велел Савва сделать сбор:
«Подавайте с каждой хари четвертак,
Все равно снесете деньги все в кабак!»

Припев.

Подчинилися приказу дураки,
Понесли они свои четвертаки.
От покорности убогих дураков
Понастроили все сорок сороков.

Припев.

Духовенство умилилося.
Савве низко поклонилосся.
А ради нашего «спасения»
Поучает в воскресения,
Чтоб безропотно трудилися
Да молитвою кормилися,
Чтоб не ели в пост скоромного,
Поведенья были скромного.

Припев.

Загорелся раз у Саввушки завод,
Разбегаться стал испуганный народ.
Управляющий огонь велит тушить,
А рабочий люд на улицу валит.

Припев.

«Что ж имущество мое должно сгореть?
Эй, велите же ворота запереть!»
Управляющий кричит, кричит, кричит,
А рабочий люд на улицу валит.

Вариант М. А. Медовщикова лишен антиправительственной, призывной концовки⁵, в то же время имеет выразительное начало, отсутствующее в печатном источнике начала XX века, и членение на куплеты.

Вообще М. А. Медовщиков оказался очень ценным информатором. Он многое помнит о старой рабочей жизни. Он из крестьян; закончил Ирбитское ремесленное училище и приехал в Алапаевск к замужней сестре. «Поступил сначала в заводскую контору с жалованьем пять рублей в месяц, через месяц — полтора семь рублей положили, потом перевели в склад-магазин узкой листовой болванки, а 10 декабря 1905 года я при содействии зятя перепрошлся в механический цех помощником слесаря. Потом перевели

⁵ Ср.: Русское народное творчество. Под ред. А. М. Новиковой. М., 1971, с. 389 — 391.

меня инструментальщиком, а в июле 1915 года переехал в Верхне-Туринский казенный снарядный завод. Там первое время работал в снарядном цехе № 2 рядовым инструментальщиком, потом сменным мастером и обермастером. В августе 1918 года ушел в Красную Армию». В начале 20-х годов М. А. Медовщиков снова приехал в Алапаевск, поступил на металлургический завод и проработал на нем почти до семидесяти лет — «работал, пока здоровье позволяло». В молодости он играл на гитаре, часто бывал на молодежных вечеринках, где звучали свободолюбивые песни. Многие такие песни, как выразился М. А. Медовщиков, «у нас на вечеринках выполнял» певец и гитарист Андрей Вулукас. В частности, он любил петь разинскую песню «То не царский воевода». М. А. Медовщиков перенял от него эту песню и сохранил в памяти. Сейчас она встречается в репертуаре уральцев крайне редко. Он исполнил также усвоенную в молодости песню эпохи революции 1905 года «Зимушка-зима» (именно так он сам назвал эту песню):

Эх ты, зимушка-зима,
Холодна очень была,
Холодна очень была,
Все дорожки замела,
Все дорожки и пути,
Нельзя к миленькой идти.

В Петербурге на вокзале
Плеве бомбою взорвали,
И пронесся везде слух,
Что святой этот протух.

Как наш Трепов-генерал
К нам в деревню приезжал,
Всех жандармов собирал

И такую речь держал:
«Эй вы, синие мундиры,
Обойдите все квартиры,
Все квартиры обойдите,
Социалистов мне найдите».
И исполнены печали:
Голубые отвечали:
«Обошли квартир мы триста,
Не нашли социалистов».

Эх-эх-эх-эх-ха,
Черна галка, тихая полянка,
Марусенька черноброва,
Чего не ночуешь дома?

Он напел также известную рабочую песню «Задумал наш царь мир удивить», только вместо царя здесь фигурирует тот же душитель революции Трепов.

Задумал наш Трепов царя
удивить,
Пулей, нагайкой народ
усмирить.

Россия, Россия,
Жаль мне тебя,
Бедная, горькая
Участь твоя.

Народ, услышавши такой
произвол,
Решил: министров сажать всех
на кол.

Россия, Россия,
Жаль мне тебя,
Бедная, горькая
Участь твоя.
А царь испугался, издал
манифест:
Мертвым свободу, живых
под арест.

Россия, Россия,
Жаль мне тебя,
Бедная, горькая
Участь твоя.

М. А. Медовщиков утверждал, что эту песню пели алапаевские рабочие в течение 1905 — 1907 годов. Наконец, он исполнил анти-

клерикальную песню «Настоечка», которая также бытовала уже в дореволюционное время в среде алапаевских рабочих. Ее пела также местная молодежь. Причем песня скорее разыгрывалась, чем пелась. М. А. Медовщиков так объяснял ее распев: «Кто-нибудь по-церковному читает или поет первые строчки каждого куплета, а хор-компания повторяет последнюю строчку протяжно. Если хороший заводила, песня веселая получается».

Настоечка двойная, тройная,
Четверная, очистительная,
Очистительная (3 раза).

Сам царь Давид в псалтире
Воспел ее на мире
И пил ведра четыре
приблизительно,

Приблизительно (3 раза).

А я как ни стараюсь

И все с ней не справляюсь,
От четверти валяюсь

премерзительно,

Премерзительно (3 раза).

Игуменья Федора,
Напившись ликера,
Рыгает у забора

отвратительно,

Отвратительно (3 раза).

Записано несколько местных сатирических песен: об алапаевском купце Якове Шишкине, который продает «прелые, гнилые товары» и обманывает приезжих крестьян: у одного «воз клюквы взял, а деньги сполна не отдал»; об инспекторе городского училища Василии Балакине, грубом и нетактичном: в песне о нем говорится, что он «за космы драл ребят», был криклив: «Когда на молитву встанешь, кричит: «С благоговеньем стоять!» Эти песни записаны от памятливого и общительного Г. П. Чикова, 1902 г. рожд. Он же вспомнил обличительную песню о кулаке, которая бытовала в 20-е годы:

У Сыся, кулака,
От сохи болят бока,
Брюхо отошало.

Ходит в церковь мироед
К дрянному попишке.
Обвиняет он Совет,
Что отобрал излишки.

В развитии сатирически-обличительного направления в революционной поэзии конца 90 — начала 900-х годов «значительную роль сыграл стихотворный фельетон «Сказка о попе и черте», опубликованный в 1899 году и быстро превратившийся в популярнейшую рабочую песню», — пишет А. М. Новикова⁶. По свидетельству стариков, песня была известна в Алапаевске в дореволюционный период. Поскольку антиклерикальная тема оставалась актуальной в советское время, песня продолжала бытовать в рабочей среде. Исполнялась на мотив разинской песни «Из-за острова на стрежень». Записана от И. В. Юкшеевских, 1907 г. рожд., который усвоил ее в 30-е годы.

Изнуренные, худые были лица
прихожан,
В мозолях их были руки.

Поп был гладок и румян.
«Братья, — он взывал
к народу, —

⁶ См.: Устная поэзия рабочих России. М.-Л., 1965, с. 76.

Вы противитесь царям,
 Вечно ропщете на бога,
 Что живется плохо вам!
 А зато, как вы померете,
 Всем воздастся по делам:
 Прямо в ад вы попадете,
 Прямо в общество к чертям!»
 В это время мимо церкви
 Черт случайно проходил,
 Слышит: его поминают,
 Уши он насторожил.
 Подобрался под окошко
 И прислушиваться стал.
 Все, чем поп людей морочит,
 Черт все это услышал.
 Повалил народ из церкви,
 Наконец, выходит поп,
 Черт ему сверкнул глазами
 И за ворот батьку — цоп!
 Поп уперся. Черт за ворот,
 Как щенка, его поймал
 И, подняв с собой на воздух,
 В даль туманную помчал.
 В темны, дымны мастерские
 Опустил он толстяка.

Молот тысячепудовый
 По болванке ударял
 И фонтаном искр горящих
 Всех рабочих осыпал.
 Поп, увидев это чудо,
 Трется, мнется сам не свой,
 Слезно он взмолился черту:
 «Отпусти меня домой!»
 «Что так скоро нагостился
 И скорей хочешь назад,
 Погостил ты очень мало,
 Это ведь еще не ад!»
 Вновь схватил попа за ворот
 И взвился под облака,
 Во вторую мастерскую
 Опустил он толстяка.
 Здесь, средь мрака
 и шипенья,
 Из огромного котла
 В приготовленную форму
 Лава яркая текла.
 Поп, увидев это чудо,
 Быстро рясу подобрал
 И быстрее косога зайца
 Из завода тягу дал.

То, что до нас дошли произведения традиционного рабочего фольклора, обусловлено, видимо, тем, что в Алапаевске высока была революционная активность, политическая сознательность рабочих. Достаточно сказать, что уже в 1902 году здесь возникла социал-демократическая группа, в 1905 году — первый на Урале и один из первых в России Совет рабочих уполномоченных; в начале 1907 года в партийной организации Алапаевского округа насчитывалось до пятисот коммунистов, эта организация была по численности третьей на Урале после Екатеринбургa и Перми⁷. В Алапаевск доходила ленинская «Искра», другие издания подпольной социал-демократической прессы и, очевидно, листовки с текстами гимнов и сатирических стихов.

В Каслях и Алапаевске бытуют различные прозаические жанры, поэтому записано довольно много преданий, рассказов-воспоминаний, быличек, около сорока сказок. Остановимся на некоторых жанрах несказочной прозы.

Очень многие из тех, кто начинал свой трудовой путь при до-революционных порядках, уже умерли, поэтому особую ценность представляют воспоминания рабочих-стариков, заставших штрафы, рукоприкладство, эксплуатацию детского труда. А. Н. Ахлюстина,

⁷ Данные взяты из кн.: Аликин М. И., Долгинцев Г. М. и др. Алапаевск. Свердловск, 1976, с. 14 — 18.

1900 г. рожд., вспоминает: «В Каслях два брата Шелеговы жили, один — купец, другой — церковный староста. С восьми лет я у них в няньках была. Еще цевки скала. Ребенка на руки не могла взять, мала была, только в люльке качала и кормила его в люльке же. Спать всегда хотелось. Мама жалела меня, да что же делать, когда в семье шестеро детей. С тринадцати лет я в заводе работала. В эмалищехе Кыштымского завода. Эмалировали посуду тогда вручную. Кисточкой, жесткой, проволоочной. Да надо было еще несколько раз провести, чтобы эмаль хорошо пристала. Руки изъедало до крови. До сих пор болят при стирке, потому что обожженные. Работали по 12 часов в день, а платили за смену 40 копеек»⁸. На старых уральских заводах существенную роль играли руководители производства, поэтому в рабочих преданиях и воспоминаниях постоянно упоминаются управляющие, раскрываются их профессиональные и человеческие качества. Причем в памяти информаторов сохраняются сведения об управляющих крепостнической поры, об их бесчеловечном обращении с рабочими и мести рабочих: «Старики говорили, что раньше на заводе был какой-то жестокий управляющий. Он загубил многих рабочих. Рабочие собрались и бросили его в печь, и никто не нашел следов»⁹. Устные рассказы об управляющих конца XIX — начала XX в. более конкретны: «На Ирбитском заводе забастовали рабочие. Там управляющий был Сафонов Алексей Игнатьевич. Он грубо с ними обходился, так они его посадили на тачку, вывезли за ворота, там вывалили. Это я от родителей слыхала».

В этой тематической группе, как и в других, встречаются типологически сходные повествования. В Алапаевске Н. П. Останин, 1915 г. рожд., рассказывал: «От отца слыхал. Когда Нижнесергинский и другие заводы закрыли, у нас большое скопление рабочих было. Наплыв большой. К нам приехали люди, в Кушву. А управляющим был Котов. Всем работы не хватало, так он приказывает: «Копайте яму», на другой день: «Зарывайте яму». Чтобы зря деньги не платить». Точно такой же сюжет в Каслях связан с именем управляющего Карпинского. Когда в неурожайный год окрестные крестьяне пришли к нему просить хоть какую-нибудь работу, он поступил так же, как и Котов. Вообще о Карпинском каслинские старожилы рассказывают как об управляющем строгим, но справедливом. Подчеркивается его демократизм, стремление вникнуть в нужды рабочих.

Старые рабочие рассказывают, что у каслинских мастеров были свои секреты, которые передавались из рода в род. Были, например, некоторые тонкости при изготовлении формовочной земли: нужно был знать, какой песок и в какой пропорции с глиной взять при отливке того или иного изделия. А пески были и в Каслях и в окрестностях разные: «Мастера знали эти пески, какой где, и на-

⁸ Записали Т. Борисова, Н. Ваякина.

⁹ Записали И. Сумина, В. Медюха от И. Н. Щербакова, 1911 г. рожд., в г. Касли в июле 1978 г.

зывали их по месту. Лазаретинский песок — в Каслях около лазарета брали, конский песок — за Каслями, он при перегорании на конский помет походил, казалташский — у Казалташа, урускульский песок — в Урускуле доставали, а Урускуль — значит «Русское озеро»¹⁰. Были мастера, которые передавали свои секреты, трудовые навыки только родственникам, но были и другие. Так, в листопрокатном цехе Алапаевского завода еще в конце XIX века работал главным механиком Николай Александрович Четвергов. «Мне про него отец много рассказывал, — вспоминает Н. П. Останин, 1915 г. рожд., — он по звуку слышал, какая клеть неправильно работает. Приходит и говорит, мол, этот болт нажми, этот подкрути, и лист нормально пойдет. Почему косарит? Клеть разболталась. Отец говорил, что Николай Александрович много раз к нему подходил, учил».

В городской среде по-прежнему бытуют предания и устные рассказы о местных силачах, то есть можно говорить о том, что сохраняется отмеченный еще П. П. Бажовым культ силы среди рабочих. Очевидно, в дореволюционное время этот культ поддерживался праздничными состязаниями силачей: «Иван Николаевич Брусицын здорово сильный был, часто «круг уносил». В праздники съезжались силачи и боролись. Человек 40 — 50 съезжалось, и про последнего, который побеждал, говорили: «Круг уносит». Вот Иван Николаевич часто уносил. А то у него какой-то конфликт с одним заводским служащим вышел. Он его схватил и, как шепку, в сторону бросил. Его с завода уволили. Он мне сам это в 1948 или 1949 году рассказывал. С гордостью. Он уж был стариком»¹¹. Тот же рассказчик вспоминает про другого силача: «Мельница у нас была водяная; как воды мало, очередь медленно идет, подвод 20 — 30 скопится. Люди ночуют, ждут очереди. Мужики одному сказали: «Ну, Роман, если телеги наши в сторону отставишь, так мы тебя пропустим без очереди». Им потешно, как он: переставит или нет? Хотя знали: сильный мужик. Он взял и переставил, смолол зерно без очереди».

В подобных преданиях сила человека часто выявляется именно через сравнение с силой лошади. Телега с грузом, которую способна везти только лошадь, переставляется человеком — это типичная ситуация, освещаемая в устных повествованиях. Причем обстановка может быть самая разная: телеги с зерном на мельнице, возы сена на узкой лесной дороге, коробка с рудой на узкой зимней дороге, когда никому не хочется уступать, или тележка с песком на месте работы старателей. И. Р. Петровых, 1901 г. рожд., рассказывал: «Руду возили обозами, подвод десять-двенадцать. Вот едет такой обоз, впереди — Лука Иванович Русаков. А навстречу второй обоз. Кричат, чтоб сворачивали. А снег вдоль дороги глубокий, отворачивать трудно, лошадь в снег проваливается. Бывало, встречаются обозы и спорят. А Лука Иванович подошел, первые

¹⁰ Записали Т. Борисова, Н. Валякина.

¹¹ Записано от И. Д. Самойлова, 1922 г. рожд., в г. Алапаевске в июле 1978 г.

сани столкнул в сторону, в снег, пошел ко вторым и их также переставил, хоть они тяжелые, с рудой. Остальные видят из обоза, что он сани переставляет, сами начали в сторону сворачивать». Житель Каслей А. П. Бесенеев, 1908 г. рожд., вспоминает: «Отец рассказывал, что у его деда сила была неимоверная. Они работали с отцом на старательстве. Золото намывали. Вот нагребли однажды песку полную тележку, надо вывезти на крутую горку. Лошадь с места не сдвинет. Дед подойдет, поднимет с задних колес и говорит: «Вы чо, я насилу оторвал от земли, где же лошади вывезти»¹². Могут быть вариации: человек стесняется в подобной обстановке демонстрировать свою силу, жалеет лошадь. «Раньше возили руду в Тагил из Зыряновского рудника. И отец мой, и дед на этом работали. И был Владимир Исаков, алапаевский. Он сильный, но стеснялся, а народ знал. Однажды застряла телега, грязь была. Он что делает? Лошадь выпрягает, сам телегу вывез и говорит лошади: «Ну вот, я-то насилу вывез, где уж тебе-то!» А кто-то видел. Потом ему сказали, а он: «Неправда это!»

В Каслях рассказывают про Николая Михайловича Дружинина, который, наоборот, показывал свою силу: кто-нибудь хлестал лошадь, но телега оставалась на месте, потому что Николай Михайлович держал ее за задние колеса. Но и он, когда необходимо, помогал лошади. В. А. Пряхин, 1910 г. рожд., рассказывает: «...Про него говорили, что он двухсердечный. Бревна возили. Лошадь не может вывезти, он возьмет и сам вывезет. И спокойно бревна один таскал»¹³. Про сильных людей рассказчики повествуют с теплым чувством, с доброй долей восхищения. Идеал сноровистого, сильного, работающего, но и рассудительного, справедливого человека свойствен русскому фольклору. В современных рабочих преданиях и устных рассказах такой идеал получает конкретное воплощение.

С удовлетворением можно отметить бытование преданий и рассказов-воспоминаний о мастерах каслинского литья. Люди еще помнят художников-самородков, некоторые их изделия, различные случаи, связанные с испытанием каслинского литья на легкость, прочность. «Раньше легкий чугун был. Бросишь блюдо ажурное, а оно не расколется. На древесном угле все плавил, а не на нынешнем. Кто-то спорил, может, Карпинский с иностранцами, что наш чугун не бьется. Говорят, блюдо бросили, а оно целое осталось. Мастера раньше боялись, что уволят, если плохо работать будут»¹⁴. «Был в Каслях художник-самородок Тарокин. Внук его, Александр Михайлович, и сейчас по улице Луначарской живет. Этот Тарокин лепил много хороших вещей. Хотел слепить бабушку с прялкой. Запретили ему. Не хотели господа, чтоб отливались в чугуне бедные люди, простой народ. Другая вещь — «Обуток». Об этой скульптуре тоже легенда ходила: будто у Тарокина в семье не в

¹² Записали Л. Петрова, Н. Маланичева.

¹³ Записали Е. Полежаева, В. Скворцова.

¹⁴ Записали О. Климова, Т. Пырина от З. М. Ахлюстиной, 1898 г. рожд., в Каслях в июле 1978 г.

чего было обуться. Увидел он на купце большие сапоги и вылепил такие же. Правда ли, нет, не знаю»¹⁵. Еще вспоминают мастера Мочалина, который умел отливать цепочки для часов, причем «совсем легкие». Легкость, как и ажурность изделий, особо котирировалась, поэтому рассказчики подчеркивают: «Раньше литье принималось очень строго, по весу: «от и до». Если тяжелее получалось, браковали или мало платили. Поэтому литье было легкое и изящное»¹⁶.

В Каслях записано около двадцати демидовских преданий. Наиболее интересны следующие сюжеты: Демидов каждый вечер заставлял играть итальянских музыкантов и «бил их розгами», если музыка ему не нравилась; Демидов знался с чертом, который ему руды и золото указывал, этого черта он носил с собой в маленькой шкатулке; Демидов замуровал свою дочь в Невьянской башне за то, что она влюбилась в цыгана; Демидов отобрал исконные земли татар и построил на этих землях свои заводы; у Демидова была любимая собака, которая была «приучена рабочих рвать», рабочие ее отравили: «И вот Демидов носил собаку в церковь отпеть. Поп не рискнул. Тогда Демидов поехал в Екатеринбург и дал там денег кому нужно. Назад приехал с разрешением отпеть собаку. Ее отпели, похоронили, а потом рабочие несколько раз ее отрывали и выбрасывали»¹⁷.

В Каслях заводская плотина называется Пименовой плотиной, и о ней рассказывают весьма интересные предания историко-топонимического характера. Пимен, давший имя плотине, изображается как безвестный старик, отказавшийся отдать в прислуги Демидову карасавицу-дочь, поэтому его по приказу заводчика закопали в яме, которая рядом с плотиной. В некоторых вариантах Пимен — рабочий-бунтарь: «Был у Демидова рабочий Пимен. Он поднял восстание, сказал: «Хватит нам работать задаром». Восставших разогнали. А Пимена как зачинщика на месте плотины нынешней вместе с лошадей закопали»¹⁸.

В рассказах-воспоминаниях рабочих часто можно обнаружить сведения об их собственном искусстве. Вспоминая первые шаги рабочей художественной самодеятельности, И. В. Лукин, 1898 г. рожд., подчеркивал ее пропагандистско-агитационную направленность: «Тогда шла гражданская война. Красная Армия только организовалась. Военскую дисциплину не все понимали по-настоящему. Некоторые только за свою деревню воевали, а потом сбегали из армии. Мы решили поставить пьесу о дезертире-красноармейце. Первое действие — о побеге. Второе — как его поймали. Он

¹⁵ Записали Т. Борисова, Н. Валякина от И. Н. Ахлюстина, 1907 г. рожд., в Каслях в июле 1978 г.

¹⁶ Записали Т. Борисова, Н. Валякина от И. Н. Ахлюстина, 1907 г. рожд., в Каслях в июле 1978 г.

¹⁷ Записали О. Капустина, М. Манихина от А. П. Беленькова, 1909 г. рожд., в Каслях в июле 1978 г.

¹⁸ Записали В. Скворцова, Е. Полежаева от В. А. Прякина, 1910 г. рожд., в Каслях в июле 1978 г.

спрятался в стог сена, красноармеец его нашел. А у дезертира: руки вверх, а штаны-то широкие и распустились. Так красноармеец их прикладом прижимал, чтоб они не упали. Я красноармейца этого играл. Пьеса нравилась. Смеялись все над дезертиром. По-зор ему был... А комсомольцы пели боевые частушки».

Во время экспедиционной работы нам довольно часто встречались люди, великолепно владеющие народными афоризмами. Их речь, свободно вбирающая пословицы, поговорки, образные выражения индивидуального характера, представляет подлинно народное красноречие. И нам хочется описать несколько встреч с жительницей Каслей Н. А. Лобашовой.

В Каслях, по улице Комиссарова, где нам пришлось поначалу собирать фольклор, многие говорили, что нужно идти к Н. А. Лобашовой. Без труда разыскали ее дом, но никого не было. Зашли в другой раз. Она — у дома на скамеечке. Поздоровались. Спросили имя, отчество... Наталья Андреевна Лобашова. Ей 84 года, но выглядит много моложе.

— Все говорят, что вы знаете песни. прибаутки.

— Кто это сказал? Небось сосед Потапыч набрехал?

— Нет, другие говорили.

— Не до песен — рот тесен. А что это начали записывать?

— Вашу поговорку.

— Какая же это поговорка?

— Хорошая. Может, еще какие знаете?

— Память плохая стала: семь раз за ковшиком схожу, восемь — за кринкою.

Позже мы попросили ее рассказать о своей жизни.

— Родилась в 1894 году. Отец не здешний был, из Юшкова. Мы сюда приехали еще до революции. А ране к приезжим неважно относились: на работу не брали, места строиться не давали. Пришлось отцу на Кызыльском руднике работать. Там их, пришлых, много работало. Иногда по многу дней не приходили домой. Помню, частушки пели тогда:

На заимочке без милочки
Я круглой сиротой,

Напишу письмо слезами,
Запечатаю тоской.

Отец, бывало, придет домой в среду, говорит: «Среда к ночи — день короче». И теперь я как домой поздно приду, вспоминаю: «Приду к ночи — день короче». Раньше работали не как сейчас, до ночи спину гнули. В 1911 году дали нам построить домишко на огородишке «под дерном». Места в домишке чуть-чуть, я уж большая была, а под столом спала. Это уж после революции нам дали место под дом и на завод взяли работать. Замуж отдали по любви. Когда «Трубоньку» пели, надо реветь, мне все: «Ты чего не реवेशь?», а я им: «Пусть тот ревет, кто замуж берет!» Муж в царской армии служил, взял и убежал. Тогда многие бегали из царской армии — кому хочется голову под пули совать зазря. Говорили: «От Николая бегать». Муж добежался: на каторгу его сосла-

ли. Недолго, правда, пробыл, как раз революция случилась. А нас стали звать по-улошному каторжанами. Долго так звали. У меня песен в памяти много таких: все с тюрьмой да с каторгой.

— Бабушка! Расскажите, как свадьба ваша проходила.

— Какая я бабушка! Я теперь холостая девица, петь-плясать мастерица, может, кому и сгодится.

— Ну не бабушка, так Наталья Андреевна!

— Вот так-то милей и жить веселей!

Приходили мы к Наталье Андреевне еще несколько раз и всегда она «за словом в карман не лезла», говорила сочно, ярко, образно. Без всякого труда подбирала пословицу или неожиданно вводила рифму в обычный речевой оборот. Когда мы просили ее вспомнить старинную песню или частушку, она обычно слегка отнекивалась, как будто соблюдала неписанный этикет.

— Ну, что я знаю! Живу в лесу, молюся пню.

— Вы, наверное, устали, много работали?

— А что мне делать? Вот помру, тогда и отдохну.

— А родные у вас есть?

— Целая улица — родня.

— Сыновья, братья?

— Нет, всех война подобрала. Одна я, как штык! Убивалась сначала, да некогда горевать, надо огород копать! Так и живу.

Однажды она собрала для нас своих соседей, чтобы попеть старинные песни. Все смущенно молчат. А она к одной из подруг:

— Ну что, Петровна, сучковата, неровна! Неужь ничё не помнишь?

— Ты на свадьбах гуляла, ты и начинай.

— Погуляла, правда, было дело. Как это говорится? Первая идет колом, вторая — соколом, третья — в щелчки! Ну, а ты, Иван Петрович, что голову клонишь, аль тяжела? Ну, смотрю я, вас всех надо списать да и меня по матушке послать. Вот вспомнила: была у нас вреднющая корова, норовила боднуть:

Я коровушку доила,

Я корову — кулаком:

А она меня рогом.

Оставайся с молоком.

Увидала в окошко соседа, кричит:

— Михеич! Иди сюда!

— Что тут у вас?

— Вот рассказы всякие записывают, песни, загадки. Расскажи рассказ потешный, как женился ты, сердешный?

— Подь ты!

В другой раз нам сказали, что Наталья Андреевна приболела. Мы пришли проведать, а она на своей любимой завалинке сидит.

— Нам сказали, что вы болеете.

— Мне была охота занемогчи, да некуда легчи, в избе нет места, на печи тесно, пришлось на поляночке полежать; солнышко отогрело, мне полегчало.

— Наталья Андреевна, скажите пословицу про что-нибудь.

- Ну про что?
- Про доброго молодца, например.
- Видать сокола по полету, а доброго молодца — по соплям.
- А про что-нибудь серьезное. Про смерть...
- Умирать собирайся, а рожь-то сей!
- Мы скоро уедем, наше время кончается.
- Значит, на отлетичке пташечка.
- Мы о вас обязательно расскажем!
- А я будто и поверила! Что обо мне рассказывать.

В. П. ВОРОШИЛОВА

Свердловск

О РУССКО-МАНСИЙСКИХ ФОЛЬКЛОРНЫХ СВЯЗЯХ В СОВРЕМЕННОЙ НЕСКАЗОЧНОЙ ПРОЗЕ УРАЛА

Процесс взаимодействия русского и мансийского фольклора на Урале исторически обусловлен: издавна Северный и Средний Урал (вплоть до Екатеринбурга — Свердловска) был населен манси (вогулами). Первые известия об этом народе, их земле — Югре мы находим в русских летописях XI века¹. Начиная с этого времени новгородцы совершают неоднократные походы в Югру, проникают на Урал и в Западную Сибирь, однако связи между русскими и манси до XVI века имеют спорадический характер.

В конце XVI — начале XVII столетия, после похода Ермака в Сибирь (1581), начинается массовое заселение русскими обширных территорий Урала и Западной Сибири: на восточные окраины устремляются черносошные крестьяне русского Севера, часть крепостных, беглых из Центральной России².

Присоединение Урала, Сибири к Российскому государству сыграло в истории развития народностей, заселявших эти районы, несомненно, положительную роль. Взаимоотношения коренного и русского населения складывались трудно, постепенно. Но «идя на Урал и далее в Сибирь, трудовой русский человек не искал столкновений с местным населением, он не преследовал цели истребления коренных жителей»³. Ни эксплуататорская политика царизма, ни злоупотребления местных властей, ни хозяйственные, культурные и религиозные различия — ничто не помешало дальнейшему сближению русских и манси.

¹ В «Повести временных лет» под 1096 г. приводится следующий рассказ новгородца Гюраты Роговича: «Послал я отрока своего в Печору, к людям, дающим дань Новгороду. И когда пришел отрок мой к ним, то от них пошел он в землю Югорскую. Югра же это люди, говорящие на непонятном языке, и соседят они с Самодьёю в северных краях» (Повесть временных лет. По Лавреньевской летописи 1377 г. М.-Л., 1950, с. 368 — 369, 400).

² Детальное описание этого процесса см. в кн.: Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в. М., 1972.

³ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в., с. 171.